

Памяти Б.Б. Родомана

От редакции

Борис Борисович Родоман изучал проблемы, соединяющие теоретическую географию с массивом гуманитарного знания, в состав которого входит также рефлексия по поводу государства. Одним из ярких примеров может служить цикл его статей, публикуемых в этом номере¹.

В.П. Макаренко

ОЩУЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Б.Б. Родоман

Девиационизм: сошли ли мы с правильного пути?

Характерной особенностью современного российского менталитета является широкая распространённость убеждения, что «мы» (страна, народ, общество, государство, человечество) сошли с правильного пути и должны на него вернуться. Для обозначения этого явления я предлагаю термин девиационизм (от лат. *deviatio* – уклонение с пути).

Девиационизм в моём понимании есть феномен веры; это дополнение к эволюционизму – вере в эволюцию, в направленное развитие природы и общества, отчасти отождествляемое с прогрессом. Девиационизм есть вера в возможную или действительную социально-историческую девиацию. Если существует (в чьём-то воображении) «столбовая дорога истории», то нетрудно вообразить и того, кто с неё сошёл. Девиационист верит в девиацию так же, как эволюционист верит в эволюцию.

Слово «девиация» в смысле «уклонение от норм и правил» применяется в социологии к так называемому «отклоняющемуся поведению» (извращения, правонарушения, преступления). Те же, кого я предлагаю называть девиационистами, рассматривают в качестве девиантов (отклонившихся) не отдельных людей, а большие популяции – народы, культуры, цивилизации.

Девиацию можно отчасти отождествить с уклоном или считать уклон разновидностью девиации. Русское слово «уклон» богаче оттенками, чем латинское «девиация», потому что двумерно, имеет две смысловые компоненты: горизонтальную – уход в сторону, и вертикальную – спуск, падение, а так как «верх» и «низ» – это ещё и оценочные категории, обозначающие добро и зло, то уклон – это ухудшение.

Если уклон и девиация – почти одно и то же, то уклонизм и девиационизм – разные вещи. Уклонист – тот, кто «впал в уклон», отклонился от предписанной ему основной, главной

¹ См.: Родоман Б.Б. Культурный ландшафт и судьба России / Б.Б. Родоман; под ред. Т.И. Герасименко (Институт географии РАН). – М.: Директ-Медиа, 2023. – С. 149–180.

линии во взглядах, политике. Уклонизм – не только позиция, но и поведение. Девиационист (в предлагаемом мною значении этого термина) есть тот, кто заметил пагубный уклон и тем самым поднял вопрос о необходимости его исправления. Девиационизм – это не поведение, а точка зрения наблюдателя, исследователя, заметившего, выявившего девиацию.

Социально-историческую девиацию можно мыслить как синхронную либо диахронную. Синхронная девиация – отклонение от ныне действующей нормы или курса; при диахронной девиации «нормальное» и «ненормальное» положение существовали в разное время, чередовались «правильные» и «неправильные» фазы развития.

1. Уклонение от «генеральной линии»

До 1953 г., т. е. до смерти И.В. Сталина, в советской официальной идеологии господствовал синхронный девиационизм: временами разоблачались и карались отступники – вредители, левые и правые уклонисты, бездейные писатели и композиторы, менделисты-морганисты, безродные космополиты (они же сионисты) и т. п. После Сталина кампании травли становились реже и смягчались. На авансцену выдвинулся диахронный девиационизм, включающий постоянные переоценки недавно прошедших коротких исторических периодов. Он выразился в частичной ревизии господствующей идеологии. То, что было генеральной линией, само оказалось уклоном, отклонением от «ленинских норм». Нам объявили, что только при жизни В.И. Ленина, в течение каких-то шести лет, заполненных гражданской войной, разрухой, болезнью и маразмом вождя, советская страна шла правильным путём, затем были сплошные извращения, не изменившие, однако, позитивной природы общественного строя и не закрывшие дороги к его исправлению при Н.С. Хрущеве. В свою очередь, и этого деятеля после его свержения объявили уклонившимся от генеральной линии. С тех пор каждый новый правитель исправляет ошибки предыдущего и валит на него ответственность за все недостатки. Нередко охаивание прошлого хозяина и периода сопровождается одобрением позапрошлого (а это и есть девиационизм).

Как правило, всякий действующий правитель России (по представлению большинства его подданных) ведёт страну в правильном направлении, но для завершения правого дела ему не хватает времени. Так, между прочим, напрашивается вывод о необходимости продлевать срок правления. И не случайно в большинстве стран СНГ президенты правят пожизненно. Девиационизм способствует перерождению умеренного авторитаризма (с которого новый вождь начинает) в тоталитарную диктатуру. Но я бы не сказал, что девиационистская идеология всегда придумывается на вершинах власти и спускается массам через пропаганду. Напротив, в годы идеологического брожения и относительной свободы девиационизм бурно растёт снизу.

К 1991 г. марксистско-ленинская оболочка государственной идеологии, разъеденная молью свободомыслия, окончательно спала и обнажила подготовленный интеллигентами-шестидесятниками идейный плюрализм, крайними полюсами которого стали славянофильский национал-патриотизм и западнический рыночно-демократический либерализм и космополитизм. Девиационизм получил невиданное ранее широкое распространение после того, как упал информационный «железный занавес» и открылся доступ к библиотечному и архивному «спецхрану».

В эпоху горбачёвской «перестройки» доморощенные концепции советско-антисоветских мыслителей всё больше сливались с зарубежными и дореволюционно-российскими, становились их вариантом и продолжением. Девиационисты копали всё глубже, и оказалось, что глубине этой нет конца, что она заводит в головокружительные бездны прошлого. В любом историческом периоде можно было найти моменты, когда наша страна якобы сошла с правильного пути.

2. Как понимать «возрождение России»?

После краха СССР национальное самолюбие россиян было в значительной мере уязвлено впечатлением, что начавшиеся перемены – неумелая погоня за вчерашним днём евроатлантической цивилизации, жадное потребление её отбросов, материальных и духовных, которое приведёт к вырождению России, подчинению её «растленному Западу». У нынешнего «развития» нашей страны патриоты ищут собственные, отечественные корни. На помощь приходят две чисто девиационистские концепции «возрождения России».

- Первая концепция, рыночно-капиталистическая, утверждает, что здоровое развитие нации было прервано большевиками в 1917 г. Вспоминают замечательные традиции российских предпринимателей, главным образом, старообрядцев, носителей особой деловой этики, похожей на протестантскую. А в сельском хозяйстве верный путь якобы нашёл П.А. Столыпин, но ему помешали радикальные демократы и социалисты, расшатывавшие державу.

- Вторая концепция, отвечающая менталитету силовиков и работников военно-промышленного комплекса, считает роковым срывом 1986 г., когда советскому народу была дарована «гласность», подстёгнутая Чернобыльской аварией. Вызванное всеобщим рассекречиванием и свободой слова брожение в обществе привело в конце концов к распаду Советского Союза.

В сознании нынешнего подрастающего поколения царская Россия и СССР всё больше сливаются в некотором нераздельном образе великой, сильной державы, которую надо возродить (в том числе территориально), «чтобы нас все боялись». Но если империя, будучи наилучшей (да и единственно возможной) формой существования России, всё-таки дважды рушилась в течение одного, XX столетия, то по чьей вине? Если это не слабость и некомпетентность самодержца, то происки врагов, внешних и внутренних, которые самодержавную власть ослабили. Такая девиационистская точка зрения является опорой для ксенофобии и конспиризма.

3. Когда сошёл с рельсов царский поезд?

При всей идеализации царской России невозможно забыть, что в начале XX в. почти всё образованное общество, вплоть до придворных аристократов, было резко настроено против самодержавия. Когда же произошло грехопадение царствовавшего дома Гольштейн-Готторп-Романовых? Трагедию можно связывать и с Распутиным, и с Кровавым воскресеньем 9(22) января 1905 г., и с русско-японской войной, и с политикой Александра Третьего (слишком реакционной), и Александра Второго (слишком либеральной). Примитивный девиационизм навязывает нам представление, что до какой-то станции царский поезд шёл нормально, а после покати́лся под откос.

Есть и такое мнение, что в катастрофах XX столетия повинен... Пётр Первый! До него наша страна и так уже осторожно и степенно шла на сближение с Западной Европой, но нетерпеливый Пётр грубо изнасиловал Россию, окунул ее в холодное Балтийское море (в котором сам потом простудился), отдал на поругание «табачникам». Так мы получили поверхностно европеизированную образованщину, якобы оторванную от азиатского народа. Помещики-дворяне и крепостные крестьяне стали как бы двумя разными нациями (субэтносами).

Но как же это совмещалось с сельским бытом? Помещики спали с крепостными девушками и делали им огромное количество детей. Деревня становилась биологической семьёй своего барина. Законное дитя дворянина сосало грудь крестьянки-кормилицы, училось родной речи у своей деревенской нянюшки и с нею же ставило первые сексуальные опыты. Отнюдь не цивилизованные слуги из дворовых крепостных денно и ночью сновали по комна-

там, не оставляя господам времени на уединение. Интимная жизнь помещичьей семьи обсуждалась в каждой избе. Какая уж тут оторванность от народа?

Если принять во внимание только что сказанное, то картина получится иная – полная классовая гармония. Знакомство с очаровательным миром русской усадьбы и порождённым ею Золотым веком русской культуры даёт нам основание идеализировать всё столетие классического крепостного права (1762–1861), а его отмену считать первой российской общенациональной катастрофой. Пока крестьян опекали и отечески пороли, они знали своё место, но когда кнут отобрали, а дворян разбавили разночинцами, тогда осиротевший мужик взял реванш и вернул Россию в Азию. По степени варваризации страны Октябрьскую революцию 1917 г. можно сравнивать с Иранской 1979 г.

4. Или всё началось с Киевской Руси?

Позади маячат избитые сюжеты: Смутное время; садист Иван Грозный, нагнавший ужас на все последующие века; монголо-татарское (ордынское) иго, на которое по традиции сваливают многие беды России. Якобы до татар «мы» были не меньшими европейцами, чем французы – даже невесту для короля из блистательного Киева в вонючий Париж вывезли. Но Александр Невский разбил немцев в союзе с татарами, а не татар в союзе с немцами (как полагалось бы «белому» европейцу и христианину), предпочёл хана папе. Владимир принял христианство не с той стороны, т. е. зря взял византийскую ориентацию, или вообще крестил Русь напрасно. Приведём некоторые суждения на эту тему.

- Христианство нарушило экологическое равновесие, отобрав влияние у жрецов-волхвов, регулировавших природопользование. Так называемое язычество (этническая религия) было практической экологией, уставом повседневной жизни в природной среде. Князья и бояре наложили непомерную дань, отобрали охотничьи и рыболовные угодья, вынудили усиленно размножаться (нужны были слуги и воины) и распахивать лесную зону, а затем и чернозёмы, прежде хорошо кормившие пернатой дичью и мясом копытных. Крестьянам пришлось питаться хлебом и горохом. Для колонизации новых земель (первоначально – в погоне за пушниной) понадобились крепостничество, милитаризм, тоталитарный режим.

- Христианство принесло «византийщину» с её деспотизмом, обожествлением монарха и многоэтажной бюрократией взамен исконно-посконной русской вольницы вроде Новгородской республики с её вечевой «кончанской демократией» (кончане – представители концов, т. е. частей города), которую так любила Валерия Новодворская. Но ещё злейшей причиной нашего азиатского самодержавия считают изрядно мифологизированных татаро-монголов, поэтому авторитарный режим называют также монголо-византийским, а СССР и сегодняшнюю Россию – наследниками империи Чингисхана.

- Христианство зародилось в стране, слишком чуждой для России по духу и климату. Особенно смущает русских националистов-неоязычников этническая принадлежность Иисуса, а Ветхий Завет кажется скучной хроникой склок каких-то ничтожных и не интересных для нас племён.

- Христианство с его проповедью любви к врагам якобы навязало русскому народу излишнюю мягкотелость и слюнявую кротость, чем и воспользовались враги, которые его совратили, споили и продолжают грабить.

- Напротив, любви не только к врагам, но и к своим, ближним у нас явно недостаёт. Православие не восприняло высоких христианских идей, а осталось обрядоверием, перекрашенным язычеством, которое и восстанавливать не надо, так как оно никуда не девалось. Остаётся только русифицировать Христа, отождествив его, например, с Ильёй Муромцем, у которого в одной руке крест, а в другой автомат Калашникова.

- Если бы русские стали мусульманами, то мужики в деревне были бы не пьяницами, а трудолюбивыми многодетными отцами; наша сельская местность не пришла бы в такое запустение; наши солдаты давно бы купались в Индийском океане и поставили бы на колени Америку. Впрочем, для обслуживания авторитарной власти православие и ислам одинаково хороши, и у нас, в отличие от некоторых стран Ближнего Востока, обе конфессии живут дружно. Их деятели постоянно обмениваются любезностями и твердят, что моральные нормы у православных и мусульман одинаковы.

Немало имеется охотников идеализировать не просто языческую, а ведическую (!) Русь и даже говорить об общей для России и Германии древней арийской Индо-Европе, осенённой разнообразными свастиками.

5. Когда свихнулось всё человечество?

Экологический кризис, этнополитический раскол мира и наличие ядерного оружия поставили под угрозу само существование людского рода и весь так называемый прогресс. С точки зрения простого здравого смысла такую ситуацию нельзя считать нормальной. Когда же произошло роковое отклонение от «нормы»? Из множества мнений приведём и самые известные, и самые курьёзные.

Европейцы фактически отпали от Христа, вняв просветителям. Атеизм распространился ещё до Великой французской революции, а после неё религиозность образованных классов стала поверхностной, формальной, номинальной. Просвещению предшествовала Реформация. Протестантизм был серьёзным шагом прочь от религии: буржуа освободился от страха перед Богом, превратил его в покладистого члена семьи и партнёра по бизнесу. Гуманисты и деятели эпохи Возрождения положили начало культу человеческого тела и разума. Люди поставили себя наравне с Творцом и выпустили из бутылки джинна – науку и технический прогресс. Современная Западная Европа – общество, в сущности, постхристианское.

6. Открытия антропологов и ошибки Бога

Христианство и предшествовавший ему ветхозаветный иудаизм – типично девиационистские религии, где то и дело совершаются грехопадения и приходят пророки, мессии, святые, чтобы вернуть заблудших овец на праведный путь. Самое впечатляющее учение, о первородном грехе Адама и Евы – основа всякого девиационизма. Наконец, девиационистом был и сам Господь: однажды он крепко пожалел, что сотворил людей, и пытался исправить свою ошибку при помощи потопа.

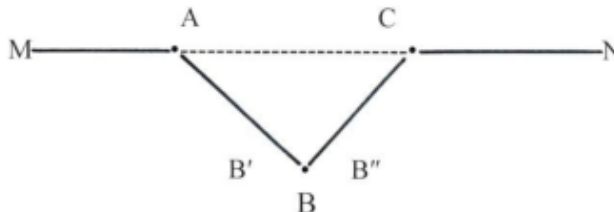
Довелось мне слышать на семинарах по теме «Биология и культура», организованных петербургским универсальным учёным Сергеем Чебановым, что золотой век, оказывается, был в палеолите. Параллельная ветвь человека – неандертальцы, их близкие предки или потомки, достигли высокого уровня эмоционального развития, были красивыми и добрыми, а вся их жизнь была сплошным оргазмом, но завистливый Человек разумный (*Homo sapiens*), коварно воспользовавшийся гипертрофированным интеллектом как продолжением зубов и когтей, погубил своего беззащитного брата, как Каин Авеля: загнал в леса, горы, пустыни, где этот несчастный долго сохранялся в фольклорных преданиях как леший или снежный человек вплоть до середины XX в., так и не попав в Красную книгу.

В свете грядущих технически возможных катаклизмов вполне можно допустить, что появление человека, всех приматов и вообще всех животных, поскольку они страдают и постоянно грызутся, – жестокий и неудачный эксперимент, самая нелепая ошибка Бога или Природы; что жизнь – смертельная болезнь (передающаяся половым путём), а биосфера –

парша и струп на теле планеты. Вселенной вообще не надо было возникать! Творец, как безответственный террорист, от скуки взорвал окружающее Нечто или Ничто, а мы – только пыль от этого Большого взрыва, которая еще не улеглась...

7. Изломанная траектория «развития»

Девиационистскую картину «развития» общества изобразим ломаной линией МАВСN, состоящей из четырёх отрезков и трёх особых точек, не считая начала М и конца N, нередко отодвинутых в бесконечность или вовсе не предполагаемых.

МА – первоначальный правильный путь, золотой век в прошлом.

А – точка (момент) девиации; схождение с правильного пути, обычно незаметное, как начало болезни. С этого момента общество движется в сторону или, если угодно, катится вниз.

АВ – линия (процесс) девиации; удаление от правильного пути; нарастание зла, углубление кризиса.

В – наadir, нижняя кульминационная точка «развития», предел падения, момент прозрения. Осознание ошибок, появление новой идеологии и программы, нового пророка, вождя, лидера, спасителя.

ВС – линия (процесс) ревиации – возвращения к правильному курсу. Общество идеологизировано, мобилизовано, устремлено к целям, ведóмо харизматическим лидером, вождём.

С – точка (момент) стабилизации. Исправление недостатков закончилось, и теперь можно расслабиться, отдохнуть, почить на лаврах.

СN – окончательный правильный путь, золотой век в будущем.

«Мы», т. е. желающие исправления ситуации, обычно находимся возле точки В. При этом пессимисты, диссиденты, оппозиционеры, считающие, что падение в пропасть продолжается, а рецепт спасения не найден или не принят, полагают себя находящимися позади надира – в некоторой области В'. Оптимисты, сторонники власти, ортодоксы, считающие, что рецепт спасения найден и принят, т. е. уверовавшие в вождя-спасителя, ставят себя впереди надира – в области В''.

8. От сотворения мира до всеобщего спасения

Вышеприведённой схеме соответствует прежде всего христианская концепция истории.

М – сотворение мира и человека.

МА – жизнь перволюдей в раю.

А – грехопадение.

АВ – вся ветхозаветная история, дальнейшее погружение в грехи.

В' – пророки-увещатели, предшественники Христа.

В – пришествие Христа-Спасителя.

В'' – отцы церкви.

ВС – вся христианская эра, ожидание Страшного суда.

С – Страшный суд.

CN – вечная жизнь праведников.

9. Под флагом рыночной демократии

Той же схемой описывалась новейшая история России с точки зрения сторонников рыночной демократии в 1990-х годах.

М – отмена крепостного права.

МА – развитие капитализма в России.

А – социальный кризис после поражения в русско-японской войне. П.А. Столыпин пытается спасти Россию, но его убивают. Страна ошибочно втягивается в Первую мировую войну, воспользовавшись которой большевики сталкивают Россию с правильного пути.

АВ – Россия, СССР строит социализм и коммунизм, т. е. роет себе могилу, удаляясь от столбовой дороги цивилизации и общечеловеческих ценностей.

В – кризис общественного строя, прозрение интеллигенции, крах коммунистической идеологии, мимикрия номенклатуры, выход на сцену «спасителей», вооруженных либерально-рыночными теориями.

ВС – построение рыночной экономики и правового государства, ценою некоторых неизбежных жертв при «шоковой терапии» (по Егору Гайдару). Страна возвращается на свой «российский маршрут» (выражение философа Игоря Чубайса).

С – стабилизация экономики и торжество прав человека.

CN – вкусившая сладость частной собственности, Россия благоденствует в сонме передовых демократических стран.

10. Красно-коричневая перспектива

Иной по содержанию, но подобной по структуре, выглядела оценка истории XX в. сходившими со сцены коммунистами, мечтавшими о реванше, и поднимавшими голову национал-патриотами в тех же 90-х годах.

М – брожение народных масс, направляемых разными внутренними и внешними силами, привело к революции 1917 г. и закончилось гражданской войной.

МА – великий народ решает грандиозные социальные задачи, укрепляет, защищает и прославляет свою державу, ставит её во главе «социалистического лагеря» – мировой суперимперии, простиравшейся от Гаваны до Ханоя.

А – воспользовавшись временными трудностями, ошибками, предательством части руководства, враги расшатывают и разваливают СССР.

АВ – Россия криминализуется и разворовывается диким капитализмом.

В – очередной, на сей раз удачный переворот или выборы приводят к власти сторонников Национального Спасения.

ВС – восстановление, укрепление, расширение великой державы и управляемого, государственного народного хозяйства.

CN – социальное государство народного благоденствия, соборная православная Россия процветает, внушая всему миру почтение и страх.

Возможность изобразить этой схемой текущий этап отечественной истории (с 2000 г.) я предоставляю моим читателям.

11. В поисках экологического земного рая

Типичной девиацией кажется и глобальный экологический кризис – с точки зрения радикальных экологов.

МА – равновесное состояние, отмечавшееся в традиционных, экологически сбалансированных культурах и до XX в. сохранявшееся, например, коегде у народов Севера и тропических островитян,

А – нарушилось взрывной экспансией европейской цивилизации и инициированным ею глобальным колониализмом.

АВ – ускоряющееся истощение невозобновляемых природных ресурсов, загрязнение и деградация среды обитания.

В – учёные открывают нам глаза, указывая на пределы роста и необходимость восстановления баланса в биосфере.

ВС – человечество под руководством учёных и просвещённых правительств перевоспитывается, изменяет своё поведение и структуру потребления; быть может, даже уменьшает свою численность до экологической нормы.

С – экологическая ситуация стабилизировалась.

CN – человечество вечно процветает и наслаждается счастьем на поверхности Земли, превращенной в райский сад, в сплошной природный парк культуры и отдыха, в любви и дружбе с дикими животными и растениями.

Ситуациям, описываемым нашей ломаной траекторией, несть числа. В них субъект уподобляется блудному сыну, который в точке А покидает отца, в точке В раскаивается и поворачивает домой, а в точке С кушает мясо упитанного тельца. Уж не имеем ли мы дело с всемирным сказочным сюжетом? Религиозное, в частности, библейское происхождение девиационизма кажется вероятным.

12. Блаженны продвинутые!

В обществе прогресса и конкуренции девиация и ревиация однозначно связываются со злом и добром, получающими темпоральную (временную) характеристику. Уклониться значит отстать, а вернуться на правильный путь – догнать. Отсталость – зло, передовизна – добро; отсталый – плохой, а передовой («продвинутый») – хороший. АС – правильный путь образцовых, примерных, не отставших, в то время как шедшие по ломаной линии АВС ошибались, заблуждались, страдали, маялись дурью.

Слово «отсталый», сказанное в глаза, воспринимается почти как ругательство и оскорбление, поэтому заменяется каким-нибудь эфемизмом. Так, большинство стран мира называют «развивающимися». О культурах, не похожих на современную евроатлантическую, нередко говорят, что они находятся на относительно низких ступенях развития, т. е. предполагается, что лестница прогресса для всего человечества одна. Моральный долг «развитых» – помогать «развивающимся», поднимать их до своего уровня, распространять среди них свой менталитет и образ жизни, чтобы их осчастливить...

13. Взгляд с высоты унитаза

Мне кажется, что одно и то же явление можно считать прогрессом и регрессом, подъёмом и упадком, стабилизацией и дестабилизацией, и т. д., в зависимости от того, какие факты принимаются во внимание и в какую цепь они нами мысленно выстраиваются. Простейшая концепция прогресса, по-видимому, формируется следующим образом. Утверждаются

какие-то ценности, а события, необходимые для их торжества, отбираются и упорядочиваются путём проецирования на некоторую линию. Так, если считать высшими достижениями цивилизации автомобиль, компьютер и ватерклозет, то прогресс – те события в истории науки, техники, хозяйства, общественного строя, которые привели к появлению этих замечательных вещей.

Формулируя концепцию прогресса, сидящий на унитазе ищет в истории «ступени, ведущие к себе», по которым его предки и он сам поднялись на сегодняшний уровень бытового комфорта. Но аналогичным методом Сидящий мог бы выявить и регресс, увидев себя, например, в экологическом тупике, если бы задумался, какова площадь канализационных отстойников и сколько чистой питьевой воды употреблено. На что?!

14. От геометрии к картографии

Обычно спорят, линейно то или иное развитие или циклично (подобно окружности), а из сочетания прямой с окружностью строят спираль, но почему только две фигуры берут за основу? Мне думается, что гуманитарии недостаточно знакомы с методами моделирования многомерных пространств. Если бы историки, философы, экономисты освоили хотя бы те способы изображения, которые применяются на тематических географических картах, профилях, блокдиаграммах (геологических, почвенных, геоботанических), то модели социально-исторических процессов были бы ярче и нагляднее.

Существуют ли настоящие исторические карты? Не те географические карты территории, на которых отображены явления и события прошлого, например, размещение древних культур, государств, места сражений, а карты многомерного времени, в поле которого протянулись фактически осуществлённые маршруты, преодолевшие сопротивление среды, прошедшие через точки бифуркации, отклонившиеся от той или иной осевой линии, и т. п. Какие-то простенькие, как в учебнике геометрии, и разрозненные чертежи в трудах учёных-историков изредка встречаются, но где же комплексные многоцветные карты потенциального исторического поля?

Другая (или почти та же) причина примитивности общепринятых представлений о ходе истории, прогрессе, эволюции состоит в том, что массовый потребитель отголосков науки и философии не способен воспринимать сложные схемы, не обладает для этого достаточным воображением. Даже такая простая модель развития, как пресловутая «диалектическая спираль», оказалась для обыденного сознания слишком сложной. Одни видят архимедову спираль, а другие – винтовую линию, как у пружины для весов-безмена.

Вопрос, включённый в заглавие этой статьи, вероятно абсурден и не может иметь разумного ответа. Наука, видимо, должна выяснять не то, каково развитие общества «на самом деле», а какие получаются картины при разных методах моделирования.

Образы государства, внедряемые в массовое сознание

Вопреки расхожему мнению о деидеологизации российского общества я берусь утверждать, что в нём сохраняется стойкая квазирелигиозная идеология – культ государства, этатизм, играющий роль религии. Древнекиевский культ Перуна, великокняжеское и имперское православие, пролетарский интернационализм, животворный советский патриотизм, народный патриотизм и православный фундаментализм наших дней с церковью в роли ДОСААФ – всё это формы сакрализации, обожествления конкретной, земной, государственной власти. Культ государства не всегда позитивен; имеет место и отрицание Бога, богоотступничество, богохульство, ересь, бунт. На Бога ропщут, от него отпадают, к нему возвращаются; на него возлагают наде-

жды, поэтому разочаровываются. Российский этатизм амбивалентен, любовь и ненависть в нём – взаимозаменяемые проявления более постоянного чувства горячего, заинтересованного равнодушия. Миллионы людей в меру ущербности своей личной жизни и частной деятельности с тревогой следят за пароксизмами государства. К нему обращаются с молитвой «хлеб наш насущный даждь нам днесь» не только работники госбюджетной сферы – в более широком смысле «дай» значит «не отнимай». И те, кто рискнул заняться частной деятельностью без государственной крыши, прекрасно понимают, сколь ненадежно их будущее. Бог дал, Бог и взял.

1. Традиционные образы государства

Представления о государстве, внушаемые на школьных уроках истории, в речах политиков, официальной пропагандой и средствами массовой информации, опираются на простые, хорошо знакомые образы.

1. Государство – транспортное средство; корабль, повозка, а в XX в. ещё и самолет. Глава государства – кормчий, штурман, возница, пилот; если он выпустил руль, упустил бразды, то государство стало неуправляемым, неизбежна авария. Опасения и страхи, правда, смягчаются представлениями об автопилоте, поезде метро без машиниста, лифте без лифтера. Убедившись, что и без вождя жизнь идёт своим путем и ничего страшного не происходит, кое-кто начинает сомневаться в необходимости центральной власти, а она, чтобы не показаться совсем не нужной, провоцирует различные события и формирует образы врага, призванные подтвердить её незаменимость и значимость. Обыватель убежден, что повседневные беды в его жизни проистекают от того, что государством плохо управляют.

2. Государство – дом. Один общий дом для всех его граждан. Отсюда лозунг «Наш дом Россия» и ладони, сложенные крышечкой, жест, пригодный в качестве партийного приветствия. Если Россия – дом, то изъятие любой детали грозит разрушением, будь то угловой кирпич (Курилы) или одна из центральных опор (Татарстан). Боязнь социального взрыва тоже относится к архитектурно-строительному представлению о стране, отождествляемой с государством. Жилые дома взрываются ежедневно, поэтому легко вообразить, что произойдет, если взорвется весь «Наш дом Россия», тем более что держится он почти исключительно на нефтегазовых трубах. Россияне убеждены, что если государство рухнет, то все будут погребены под его обломками. Особенно важное, почти мистическое значение приобрело слово «крыша». Миллионы рабочих, гражданских и военных служащих живут в основном за счет того, что возделывают садовые участки (огороды со свинарниками и курятниками), разворачивают свои предприятия и учреждения, занимаются челночным извозом и уличной торговлей, берут взятки, но при этом числятся казёнными работниками, даже если не получают зарплаты. Что же будет, если государственная «крыша» над ними рухнет или «поедет крыша» у правительства?

3. Государство – вотчина, поместье, усадьба, дачный участок, крестьянский двор, семейное хозяйство, а граждане – члены большой семьи, пользующиеся её коллективной, не вполне разделенной собственностью. Советский человек, если он не имел автомобиля и дачи, удовлетворял свой собственнический инстинкт тем, что ощущал себя совладельцем государственной территории и природных ресурсов: «зато Курилы наши и якутские алмазы наши». Величием державы компенсировалось ничтожество рядового пролетария. Вполне понятно «широким массам» и вызывает у них сочувствие стремление государства иметь на своей территории «все свое»: свои месторождения всех видов полезных ископаемых, свои морские порты. Пусть недогружены эстонский порт Новый Таллин, латвийский Вентспилс, финский порт Котка, – России нужно строить свой порт в Усть-Луге, свой нефтяной терминал около Геленджика или Абрау-Дюрсо. Вот так же крупный помещик имел своих крепостных парик-

махеров, портных, художников, артистов – им можно меньше платить, их можно и высечь. И это так понятно, так близко любому рабочему, выращивающему в «санитарной зоне» промышленных предприятий, под дымом из труб родного завода свои «бесплатные» овощи и ягоды.

4. Государство – живое существо, родное, близкое, требующее любви, как мать и отец. «Как невесту Родину мы любим, бережем, как ласковую мать». Правда, образ невесты уже не соответствует современной практике, но зато сохраняется двуединое, двуполое божество «Родина – Отечество». В XIX в. слово «Родина» было запрещено цензурой, воевали «за Цари и Отечество», в СССР до войны с Германией было запрещено «Отечество» как напоминавшее о царе. С 3 июля 1941 г. (день обращения И.В. Сталина к народу) Бог и богиня успешно работают в одной упряжке; с тех пор патриотизм стал официальной идеологией. Мужское и женское начала российской государственности, разумеется, неравнозначны: мы, как никак, живем при патриархате. Отечество, которое защищают вооруженные силы. – это прежде всего сам Отец Отечества, а Родина – вверенная ему страна, земля, почва, более пассивная, страдающая, незащитная, жертвенная. Отношение между партнерами напоминает супружество, но отнюдь не договорное, не западного типа, а традиционно-русское, патриархальное, идеально-домостроевское. Иной муж бывает суровым и ревнивым «учит» жену (плёточкой и танками), заточает в терем (за железный занавес), шпионит за ней (ставит «жучки» в телефон). А то попадётся развратник, Образы государства, внедряемые в массовое сознание пьяница, мот: изменяет жене с растленной Европой, закладывает семейное имущество во Всемирном банке, проматывает деньги в Монте-Карло. Жена ропщет, жалуется, ищет, в какой бы партком заявить, в какой бы монастырь уйти; сама пытается изменить, но в общем терпит, как и положено русской женщине. И, как водится при семейных конфликтах, часть детей принимает сторону отца, а часть сочувствует матери. Россию как существо женского рода можно любить и жалеть, к ней можно испытывать чисто мужскую ревность, питать не только сыновние, но и отцовские, братские, дядины чувства. «Синеглазая девочка Русь...» То ли над ней и в самом деле хотят надругаться чужеземцы, то ли она сама готова продаться им за доллары – обе альтернативы приводят мужественного патриота в неопишущую ярость. Постоянный страх, что с Россией что-то случится, приобретает характер массового психоза. Если страна живая, то отторжение хотя бы маленького кусочка воспринимается как ампутация или травма. Используются термины из хирургии, анатомического театра, морга; картины из ежедневных сообщений об убийцах, расчленяющих трупы. Регионализация, сепаратизм, территориальные претензии соседей толкуются как расчленение и умерщвление; боязнь потери какого-нибудь крошечного, но важного «ключевого» региона напоминает страх кастрации (по З. Фрейду). Традиционные образы государства сыграли свою историческую роль в междоусобной борьбе народов и царств, но для отдельных граждан в наши дни эти идолы смертельно опасны, потому что они кровожадны; представляемый ими Молох требует человеческих жертв. И такие жертвы были принесены совсем недавно, когда десятки тысяч людей погибли ради «территориальной целостности» России. Напряженно-эмоциональное отношение к сакрализованному государству – постоянный источник тревог и страхов. Совокупность фобий позволяет говорить о состоянии российского общества как о коллективном психозе. Имперская паранойя органически сочетает манию величия с манией преследования.

2. Боязнь потери территориальной целостности

Как географ я обращаю особое внимание на ст. 4, п. 3 Конституции: «Российская Федерация обеспечивает целостность и неприкосновенность своей территории». В этой фразе все вызывает недоумение; мне, в частности, непонятно, нарушает ли само государство неприкосновенность своей собственной территории, если отравляет ее радиоактивными выбросами

или бомбардирует её своей же авиацией? Обеспечит ли государство неприкосновенность территории при десанте инопланетян (в существование которых большинство россиян верят) или метеоритном дожде? А загрязнения с ветрами и течениями из-за границы – это нарушение территориальной неприкосновенности? Вопрос не праздный, ибо в XXI в. экологические конфликты кажутся более вероятными, чем этнополитические. К числу распространенных фобий, внушаемых политиками-государственниками, относится боязнь потери Россией ее территориальной целостности. В связи с этим поставлю два вопроса:

1. Теряется ли территориальная целостность России от любого уменьшения ее территории, т. е. от уступки, потери хотя бы «пяди Русской земли»? Нас уверяют, что это так, иначе бы не жалели отдать чеченцам Ичкерии, а китайцам какие-то островки в пойме Амура. Похоже, что потеря целостности трактуется патриотами как потеря девственности при дефлорации. Отдав Чечню, Курилы и Абрэнский уезд, отнятый у Латвии, Россия потеряет честь и дальше ей придется уступать всем сепаратистам и зарубежным претендентам, разлагаться не только морально, но и в более буквальном смысле – на территориальные части. Вместе с тем, если от однократного акта изменения границ территориальная целостность теряется раз и навсегда, то исчезает проблема, так как больше терять нечего.

2. Уменьшается ли территориальная целостность от потери островов или анклава? По-моему, наоборот увеличивается. После присоединений к СССР в 1945 г. северной трети Восточной Пруссии РСФСР потеряла свою территориальную целостность, поскольку стала состоять из двух кусков. Теперь, если бы Россия отказалась от Калининградской области, то восстановила бы свою целостность, во всяком случае, повысила бы ее уровень. Разве не очевидно, что монолитность, непрерывность, компактность территории – признаки её целостности? Если ещё рассмотреть степень удобства управления страной, возможность обратной связи и многое другое, то чем меньше и компактнее территория, тем легче обеспечить её целостность. Сегодняшняя Россия по очертаниям своих границ самая некомпактная из крупных стран мира и похожа на не разобранный остаток после раздела земель. Если страна – кусок картона, нагруженный тяжестями, то Россия разорвётся скорее всего по двум перемычкам – Волго-Донской и Западно-Сибирской. Однако сомнительно, что территориальная целостность такая уж серьёзная ценность сама по себе, независимо от транспортных условий. Вот, например, совсем не целостна территория США, включающая Аляску и Гавайи.

3. Нетрадиционные образы государства

Кровожадным идолам государства можно противопоставить более гуманные образы, адекватные политическому либерализму и конкурентной рыночной экономике, отвечающие представлениям о правах человека, правовом государстве и т. п.

1. Государство – служебный, вспомогательный аппарат общества, его слуга, а не хозяин; совокупность печально необходимых служб, связанных с «несовершенством человеческой природы», возможностью стихийных бедствий, экологических катастроф и т. п. Правительство нанимается налогоплательщиками и им подотчетно; оно не командует гражданами, а управляет ограниченной сферой их обслуживания. Это государство частичное, минимальное, не тотальное и не сакральное; оно может иметь своих поклонников и болельщиков, но никого не заставляет себя любить; предполагает не эмоциональное, а рациональное отношение к себе.

2. Государство – административно-территориальная единица мирового сообщества, не самая высшая (над ним межгосударственные союзы и ООН), с суверенитетом, ограниченным международными договорами и законами. Глобальный процесс интеграции—дифференциации двойствен: с одной стороны, великие державы теряют свою таможенную, валютную, военную

самостоятельность и становятся как бы провинциями своего континента. Образы государства, внедряемые в массовое сознание и Всемирного государства; с другой – повышается статус, усиливается автономия прежних внутригосударственных областей; многие из них добиваются «полной независимости», чтобы на деле убедиться в ее иллюзорности; реален не «суверенитет», а способы разграничения полномочий между органами власти и политиками административных таксонов разного ранга. Государственные границы теряют свое значение для передвижения и расселения законопослушных граждан; изменения границ не драматизируются. Что следует из этого для «простого человека»? Вот, к примеру, я живу в Коптевском районе (муниципальном округе) Москвы. Наш район не имеет выхода к Большому Садовому пруду, хотя его пляжем больше всего пользуются коптевцы. Несправедливо? Пожалуй. Тем более, что заманчивый пруд виден из окна моего дома, как Арарат из Еревана. Но жители Коптева не формируют вооруженный отряд для завоевания пляжа, а соседний Тимирязевский округ не дрожит за свою территориальную целостность. Люди просто идут и едут, куда им нужно, не замечая никаких границ. Вот так же и жители Западной Европы без всяких эмоций пересекают государственные границы. О России наших дней можно было бы сказать, что она не созрела, не доросла до рациональных и гуманных моделей государства, если бы была уверенность, что страна хотя бы движется в этом направлении. На самом деле наблюдается обратное. Традиционные, архаичные образы государства переносятся на регионы – субъекты федерации, не только этногенные республики, но и «чисто русские» области и края. Они приобретают черты авторитарных тотальных государств с присущим им окостенением границ. Степень этатизаций страны увеличивается. Для минимального государства в сегодняшней России по-видимому нет экономических и ментальных предпосылок; нет у нас и сколько-нибудь известных политических партий и движений, нет авторитетных личностей, «властителей дум» (на уровне А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына, Д.С. Лихачева), которые бы стояли за государство минимальное и суверенное; напротив, почти все хотят иметь государство всеобъемлющее и сильное, но «хорошее». За разговорами о «возрождении России» скрываются прежние надежды на государственную власть, а недавно спущенное верноподданым интеллектуалам задание спешно разработать на основе «русской идеи» новую идеологию «в целях национальной консолидации российского общества, утверждения патриотизма и демократических ценностей» означает курс на реставрацию традиционного силового государства, быть может не тоталитарного, но вполне тотального, т. е. такого, которое за всё берется, всё обещает, но, как и прежде, скорее всего будет неспособно стать для своих граждан полноценной «сферой обслуживания» «на уровне мировых стандартов».

Патриотизм без шовинизма

Трагическая практика XX в. скомпрометировала такие понятия, которые сто лет назад казались миллионам людей вполне положительными, например, «социализм» и «демократия». Для многих наших сограждан эти слова в разное время стали чуть ли не ругательными.

К числу пострадавших понятий относится и патриотизм, который все русские словари толкуют почти одинаково: «Любовь, преданность, привязанность к своему отечеству, к своему народу», из чего, казалось бы, должно следовать, что это чувство естественное, здоровое, нормальное, широко распространённое, как привязанность к семье, к родному дому, к своим вещам и привычкам, а стало быть, оно никаким особым личным достоинством не является. Однако в современной России о своём монопольном праве называться патриотами громко заявляют воинствующие националисты-ксенофобы, поэтому тем, кто не вошёл в их компанию, рассуждать о патриотизме стало как-то неприлично.

Хотелось бы очистить понятие «патриотизм» от налипшей на него грязи и тем самым его отчасти реабилитировать, но не столько восстанавливать старый смысл, сколько посмотреть, ка-

ким может быть его новое, более позитивное, продуктивное, гуманистическое содержание. Положительный идеал трудно рисовать без отрицательных примеров, поэтому мишенью моей критики будет своеобразный, на мой взгляд, односторонний и неполный патриотизм, который до 1991 г. назывался советским, а теперь именуется российским или русским, но по духу остался прежним. Понимание и воспитание патриотизма ещё в советской школе страдало многими недостатками, уведившими его от гуманизма и общечеловеческих ценностей. Воспользуемся перечнем этих изъянов, чтобы привязать к ним позитивные представления и предложения.

1. Патриотизм без уроков «патриотики»

В советское время патриотизм был искусственно выделен из прочих человеческих качеств, сконцентрирован в образах выдающихся и полумифических героев-патриотов, поставлен на идеологический пьедестал для преклонения и подражания, вплоть до проведения особых уроков патриотизма. В этом сказались особенности примитивного тоталитарного мышления.

Если сущность патриотизма заключается в любви к родине, то любовь – чувство интимное и стыдливое, не предназначенное для публичного обозрения. Поэтому обсуждать, является ли тот или иной человек патриотом и в какой степени, – это, пожалуй, неприлично. Тем более неприлично называть патриотом самого себя. Это всё равно, что заявить: «Я – умный, хороший! А вы какие?».

«Вера без дел мертва», говорят христиане. Если суть патриотизма в значительной степени заключается в любви и вере, то доказывается он не словами, а делами, не столько отдельными мероприятиями, сколько всем образом жизни. Если можно «преподавать патриотизм» детям в школе, то не на особых уроках «патриотики», а на каких-то других – думается, что на всех уроках, по всем предметам, но тактично и скромно, без выпячивания и утрирования, и без употребления самого слова «патриотизм».

2. Патриотизм может быть не только военным, но и мирным

Советский патриотизм был чрезмерно воинственным, но в таком же качестве он возрождается и в наши дни, если воспитание называется не просто патриотическим, а военно-патриотическим. Против связи патриотизма с военной подготовкой возразить трудно, но логика требует: если есть патриотизм военный, то должен быть и мирный. Война и мир – такие же антиподы, как смерть и жизнь. Получается, что два разных патриотизма – противники, которые могут столкнуться, как демонстранты-пацифисты сталкиваются с полицией у ворот военной базы.

Примитивная пропаганда не обходится без образа врага. К сожалению, общий враг или только страх перед воображаемым врагом сплачивает людей больше, чем положительные идеалы. Если врага нет, то его надо выдумать или сделать, например, напасть на соседа или объявить врагами какую-то часть соотечественников. В советское время нам внушали, что наша страна – лучшая в мире, а мы – самый свободный и счастливый народ, и указывали на врагов, которые якобы хотели у нас это счастье отнять.

В военно-политических академиях защищались диссертации о том, как воспитывать ненависть к врагу. Диссертанты сетовали: в повседневной жизни наш солдат, задавленный рутинной, совсем не вспоминает о закордонных врагах. В этом видели недостаток патриотического воспитания. Но не таков ли подход к патриотизму и сегодня?

Сторожевых и бойцовых собак искусственно злят, превращая их в опасных для общества душевнобольных, в грозное и не полностью контролируемое оружие, на владение кото-

рым следовало бы выдавать разрешение. Но западноевропейские законы запрещают так издеваться над животными. А милитаристское воспитание подростков – разве не то же самое? По-моему, распространение военного психоза – такое же преступление, как намеренное заражение СПИДом.

Но если вправду положительный идеал невозможен без жупела и нам никак не обойтись без врагов, то может быть и мы, старающиеся быть гуманистами, воспользуемся образом врага, но перенесём его с внешней стороны вовнутрь, из военно-политической сферы в экологическую. Самые опасные враги родной земли – мы сами! Это мы загубили Волгу, избороздили вездеходами и завалили металлоломом тундру, залили тайгу нефтью, отравляем Байкал. Это мы направляем в канализацию целые реки чистой питьевой воды. Это мы переводим леса на газетную, рекламную и офисную макулатуру, чтобы небрежно пробежать глазами по заголовкам и выкинуть, не читая, чтобы бросить в корзину только что напечатанный чек, и не нашлось среди нас ни одного, кто отказался бы от гаража и дачи в интересах охраны природы.

Мы все, живущие за счёт невозобновляемых природных ресурсов, – соучастники великого, всемирно-исторического экологического преступления. Но, несмотря на тяжесть злодеяния, мы уверяем себя, что любим свою землю. Что ж, может быть ещё не всё потеряно. Мы повинимся, раскаемся, прислушаемся к голосам своего здравого смысла и к тем учёным, которые давно нас предупреждают. Так станем же под знамёна экологии, сплотимся и ударим по злейшим врагам России, сидящим в нас самих – по нашей лени, расхлябанности, алчности, эгоизму, неряшливости, невежеству!

3. Можно любить страну, но не любить государство

Советский патриотизм был чрезмерно государственным. Он был направлен не столько на общество, сколько на ту казарму, в которой оно жило, особенно же на её толстые стены – государственные границы, «священные рубежи Родины». Культ колючей проволоки и охранников – замечательная религия, придуманная для страны ГУЛАГа.

В пограничную зону, фактически находившуюся на военном положении, была превращена чуть ли не бóльшая часть страны (особенно Дальний Восток и Крайний Север, все острова и берега морей). Пограничными считались целые области и республики. Если подойти сегодня к России с прежними советскими мерками, то из 85 «субъектов Федерации» не пограничными окажутся только три десятка. Так что ж, в остальных вводить особо строгий паспортный режим и ловить ночью голеньких на пляжах? (Любимая игра сексуально озабоченных солдат-пограничников.)

Государство с его «силовыми структурами» по-прежнему играет выдающуюся роль в нашей жизни. Прямолинейная попытка развести россиянина с государством, т. е. научить его самого себя кормить и обслуживать, с первого наскока не удалась; вместо плавной и законной передачи полномочий и функций от бюрократов в частные руки и общественным организациям получились криминальные структуры.

Теперь уже ясно, что бракоразводный процесс личности и государства в России растянется надолго, однако рациональное зерно в первоначальных замыслах реформ (1991–1993 г.) заключалось всё-таки в том, чтобы поставить гражданина юридически наравне с государством, а у последнего свести функции к минимуму – сделать государство ответственным наёмным слугой самоорганизованного общества, а не циничным хозяином людского поголовья; какой-то комплексной санитарно-судебно-пожарно-налоговой службой, не более того. И у пожарных команд могут быть свои любители и болельщики, присутствующие на их соревнованиях, но большинство населения вспоминает о спасателях лишь когда

случится авария. Таким должно быть и государство в его роли «ночного сторожа». Такова заимствованная из Западной Европы теория, но в России она не работает.

В эпоху глобализации мировой экономики и возрастающего господства транснациональных корпораций государство могло бы взять на себя многие социальные функции, чтобы защитить малоимущих и слабых и тем оправдаться перед народом за своё (бюрократического аппарата) существование, однако ничего подобного мы в своём отечестве пока не наблюдаем. Сегодня Российское государство всё больше отворачивается от «населения», чтобы обслуживать «элиту».

В такой ситуации я плыву, по-видимому, против течения, поскольку считаю: быть патриотом – значит ценить, любить, сохранять, украшать, изучать, обогащать прежде всего родной ландшафт, язык, культуру, и только во вторую очередь и не обязательно – те институты и учреждения, которые демократическому обществу всё ещё печально необходимы, как протезы инвалиду – бюрократию, армию, государственные границы.

4. У большого патриота много отечеств

Россиянам, по-моему, всегда не хватало местного патриотизма, регионального самосознания. Виной тому, думается, централизация самодержавной власти, не терпящей конкурентов; частые принудительные и вынужденные переселения и перемещения по службе, практиковавшиеся в нашей империи, её колониальный характер. Тем более заметны редкие и яркие исключения. Так, художник И.К. Айвазовский был трогательным патриотом родного города – Феодосии (ныне утратившей многоязыкий средиземноморский колорит). Он подарил ей водопровод, помогал проектировать железную дорогу (и даже точно нарисовал её заранее).

В советское время заметным местным патриотизмом отличались ленинградцы, одесситы, потомки архангельских поморов; о своих регионах с гордостью говорили дальневосточники, сибиряки, уральцы. И всё же это было скорее исключение, чем правило. Даже крупные части СССР обычно не назывались родиной, и уж тем более отечеством. Считалось само собой разумеющимся, что отечество у всех советских людей одно – Советский Союз. Цензура запрещала называть странами даже такие крупные союзные республики, как Украина и Казахстан.

Лишь в самом конце советской эпохи было сделано послабление: наши идеологи поняли, что для полноценного гражданского самосознания необходимо и чувство малой родины. Ею отныне могло считаться родное село, город, регион. С тех пор выражение «малая родина» вошло в моду, оно часто употребляется и в наши дни. Таким образом, причитающихся каждому гражданину родин стало две, но не больше, а, по-моему, и этого очень мало. Оседлого жителя окружают контуры множества территориальных единиц, и каждая может быть для него своей, родной, любимой.

Россия – не единственная родина для человека, родившегося и живущего в нашей стране. Его родина – это и регион, природная зона, город или деревня, часть города, микрорайон и т. д. Патриотические чувства по отношению к этим объектам имеют право на существование и должны рассматриваться как равноценные, должны быть равноправными, как разные формы собственности, без всякого подчинения патриотизму якобы главному – великодержавному. Такое вот новшество, в виде новой грозди старых терминов, я предлагаю: многоуровневый, многоступенчатый, иерархический, многогранный патриотизм.

У человека, духовно и душевно развитого, чувство родины многогранно и многоярусно: он ощущает себя гражданином Вселенной, как В.И. Вернадский и К.Э. Циолковский; европейцем, как А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев; сыном «богоизбранного» отечества, как Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьёв; частицей родной природы, как И.И. Левитан

и М.М. Пришвин; москвичом, как П.Д. Боборыкин и В.А. Гиляровский; «сыном Арбата», как А.Н. Рыбаков и Б.Ш. Окуджава.

Территориальные области, считающиеся своими, родными, не всегда вложены одна в другую, как матрёшки. Они могут быть однопорядковыми по размеру и пересекаться (частично накладываться), как диаграммы Эйлера – Венна, имея общий участок там, где находится мой дом. Объектом патриотизма не обязательно должна быть казённая административно-территориальная единица или иная область, значимая для большинства окружающих людей. Ощущение родины у каждого может быть своё, различны и её границы; в этом и проявляется личность.

5. Патриотизм без чванства и высокомерия

Если человек постоянно хвастается, хвалит самого себя – это вроде бы не хорошо; так, по крайней мере, учили нас в детстве. А если хвалится государство, народ? Самовосхваление личности или большой группы людей – что это, глупость или нормальная самореклама, необходимая для успеха?

Советский патриотизм был пронизан чванством и высокомерием, ощущением головокружительного превосходства своего над чужим. «Последний советский человек» считался лучше, чище, морально выше самого высокопоставленного «зарубежного чинуши, влачащего на себе ярмо капиталистического рабства». Эти слова И.В. Сталина в наших школах заучивали и выкрикивали хором, но не без иронии; среди ребят и тогда находились юрodieвые, вышучивавшие официальную идеологию: «Правда ли, что наш советский жулик лучше ихнего генерала де Голля?».

Конечно, не такой разъединяющий, подавляющий, ксенофобный патриотизм имел я в виду, когда предлагал моим читателям сделаться патриотами не только большой, но и малой родины. Нетрудно представить, к какому разобщению людей приведёт чванливый патриотизм, если он будет исходить не только от государства, но и от малых территорий и групп – от каждого города, улицы, школы, рода, клана, банды. Собственно говоря, так оно отчасти было, есть и наверно будет всегда: раскол толпы, особенно молодёжной, на враждующие группировки; драки и походы стенка на стенку, бои за свою улицу, школу, деревню. Нельзя запретить людям, особенно мальчикам, юношам, бороться между собой тем или иным способом, но надо, чтобы эта борьба не была кровавой, не направлялась преступниками и не касалась тех, кто не хочет в ней участвовать.

Для упорядочения, смягчения, сублимации неустрашимой природной агрессивности человека цивилизация придумала много каналов, прежде всего спортивные и зрелищные игры, различные турниры и состязания. Футбол в наши дни – серьёзная замена войнам между цивилизованными странами. (Замена несовершенная, так как из футбольных болельщиков чаще всего формируются отряды всякого рода погромщиков и боевиков.) Демократия, политика, парламент (буквальное значение слова – говорильня) – тоже способы обуздания драчунов, превращения оружейной и кулачной борьбы в словесную.

Принципиальная новизна, которую культура внесла в вечную междоусобицу людей – возможность для соперников не сталкиваться лбами, а бежать наперегонки по параллельным дорожкам. Демократия, рынок, спорт гуманны постольку, поскольку заменяют насилие состязанием; они же антигуманны, если приводят к кровавым столкновениям.

Того, кто уверовал в свой непреклонный патриотизм и жаждет его продемонстрировать, всегда ждёт множество дел, полезных и приятных. Позитивным и мирным выходом для группового и местного патриотизма может быть уход за ландшафтом, художественная самодеятельность, парады и фестивали, организация выставок, краеведческие исследования, сочинение гимнов, изобретение и изготовление эмблем, флагов, гербов, форменной одежды, сувениров, худо-

жественная демаркация всех значимых для патриотов территориальных границ, установка монументов в геодезических центрах различных областей, украшение домов и автомобилей местной символикой и многое другое, чем можно извлекать доход и от туризма. Кстати говоря, и сам туризм может быть трудовым, когда любители походов и путешествий собираются, например, очищать лес или реставрировать исторический памятник.

6. Люблю и знаю

Нескромные заявления о своей любви и преданности родине сплошь и рядом уживаются с её недостаточным знанием, а то и с грубейшим историкогеографическим невежеством. Рациональная основа патриотизма – понимание уникальности и специфики своей территориальной, этнической или иной общности. Если ты не знаешь, чем твоя родина лучше или хуже других стран, чем она от них отличается качественно, и даже не хочешь этого знать, чтобы не расставаться с привычными иллюзиями, то грош цена твоему патриотизму.

Соотношение между любовью и знанием может быть прямым и обратным. Любовь и знание иногда помогают, а иногда мешают друг другу. Это известно на примере человеческих отношений. Эмоции отчасти заменяют информацию, необходимую для принятия решения. Без иррационального внушения (и самовнушения) человек бы постоянно колебался, как Гамлет или Буриданов осёл. Ибо разум и наука в чистом виде ни к чему не понуждают, а только описывают возможные варианты. Решение и выбор диктуются верой, надеждой, любовью.

Подталкивая к необходимому выбору при недостатке информации, эмоции помогают заменить точное знание мифическими представлениями, но это и требуется для решения задачи. Так, например, при романтической любви какая-то одна девушка кажется «лучше всех», хотя разум намекает, что это может быть и не так. Однако без первоначальной мифологизации не было бы оснований остановиться на «даме сердца» и блюсти верность ей достаточно долго.

Любовь к родине сродни этой ситуации; здесь знание тоже часто заменяется аффективной привязанностью, основанной на иллюзиях и мифах. Но родину не выбирают; её узнают постепенно, в течение всей жизни, а иногда и специально изучают. По отношению к объектам сознательного изучения правомерна и противоположная позиция: люблю, потому что знаю, и знаю, потому что люблю. Об этом хорошо сказал в своём стихотворении географ Ю.К. Ефремов.

Глубь недр пойму, и сроки углублю,
И с гордостью скажу родному краю:
Люблю и знаю, знаю и люблю.
И тем полней люблю, чем глубже знаю.

Для полноценного патриотизма нужна не слепая, а зрячая любовь к своей земле.

7. Долг патриота – критиковать родину

Патриотизм чаще всего понимается как безоговорочная любовь к родине без всякого критического к ней отношения, и уж тем более без порицания, тогда как мне представляется, что глубинная сущность патриотизма заключается не столько в любви, сколько в горячем равнодушии к своему отечеству. В межличностных отношениях бывает, что сначала ощущается равнодушие, и только потом оно принимает одну из противоположных форм, иногда

переходящих одна в другую; например, отвергнутая любовь часто превращается в ненависть; раскаивавшаяся ненависть может стать любовью.

Патриотизм как чувство амбивалентен, т. е. допускает противоположные проявления. И не случайно у многих выдающихся деятелей нашей страны отношения с нею были не простыми. Об этом свидетельствует длинный ряд изгнанников – от А.И. Герцена до А.А. Тарковского.

Патриотизм как вид неравнодушия предполагает способность страдать от явлений общественно-государственного уровня, которые лично тебя и благополучия твоей семьи как будто не задевают. Ведь мог же А.Д. Сахаров спокойно продолжать свою смертоносную работу в недрах военно-промышленного комплекса, как никто из учёных облаканный правительством, но что-то заставило его порвать со своей средой, обречь себя на опасность даже физического уничтожения.

Один из самых знаменитых президентов США, Дж. Кеннеди, сказал: «Долг патриота – критиковать родину». Более того, мне кажется, что настоящий патриотизм начинается там, где появляется способность критиковать и, поднявшись над предрассудками, смотреть на отечество как бы со стороны. «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать её, предпочитаю унижать её, только бы не обманывать», писал П.Я. Чаадаев. Но именно за критику и попытки объективной оценки предавали анафеме, изгоняли, вынуждали эмигрировать тех, кого мы теперь считаем патриотами.

8. Нет родины без деревни

Советский патриотизм был в значительной мере индустриально-урбанистическим и технократическим, его гордостью стали большие города, великие стройки, полёты в космос. О разорённой деревне умалчивали; малые города, деревянные дома, умирающая провинция стыдливо игнорировались.

Положительные стороны советской жизни подавались как достижения социалистического строя, в то время как недостатки можно было списывать на природно-географические особенности: в упадке сельского хозяйства виноват климат, да и реки Сибири текут не туда – главным образом на север вместо того, чтобы орошать пустыню и помогать нам получать из хлопка ещё больше взрывчатки.

Между тем, писатели-почвенники открыли глаза на деревню, пострадавшую от коллективизации; их патриотизм зиждился на деревенской культуре, бесцеремонно вытесняемой космополитичным городом. Если любовь выделяет любимый объект из всех прочих, то любовь к территории основана на географической специфике. Особенности страны проявляются не столько в городах с многоэтажными зданиями, лишёнными местного колорита, сколько в сельской местности, не заслонившей своего природного фона; поэтому без знания, сохранения, возрождения деревни не может быть настоящего патриотизма. Без загородной местности и пронизывающего ее природного ландшафта, без понимания того, какое наследие оставили нам на земле исчезающие крестьяне, а также помещики с их усадьбами, – не останется питательной почвы для любви к своей стране, к родному региону.

9. Что значит «любить» по-русски?

Советский патриотизм не мешал, а скорее помогал людям уничтожать ландшафт своего отечества: превращать реки в сточные каналы и каскад грязных водохранилищ, затоплять целые уезды, ликвидировать болота и поймы, вырубать сверх меры леса, распахать и превращать в пыль кормилицу скотоводов, засушливую степь – этими «подвигами» народу было

положено гордиться. Политический режим в 1991 г. вроде бы изменился, но мания великих строек не исчезла.

Сегодня над Центральной Россией по-прежнему висит как дамоклов меч проект высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Петербург, которую нарочно постараются провести в стороне от существующей железной дороги, чтобы захватить побольше земли, вырубить и продать под застройку ценнейшие леса Валдая, возле истоков великих рек, влияющих на экологическое благополучие не только России, но и многих других стран (от Балтики до Ирана) – всё это вместо того, чтобы реконструировать имеющуюся Октябрьскую железную дорогу, построить на ней новые, скоростные пути, например, на втором этаже – на эстакаде.

Во второй половине XX в. произошёл массовый, хищнический захват горожанами дачных пригородных земель под огороды, сады, дачи, коттеджи, виллы, дворцы. Большинство жителей городов стали мини-землевладельцами задолго до формальной приватизации земли. Богатые и бедные, интеллигенты и рабочие, чиновники и научные работники – все оказались одинаково алчными и бесцеремонными по отношению к окружающей среде.

В результате в пригородных зонах (вокруг Москвы – в радиусе до 200 км) деградировали или погибли целые классы природных территориальных комплексов (биогеоценозов), вырублены и застроены водоохранные леса, питьевые водохранилища и реки окованы самодельными набережными и причалами «новых русских», утрачены красивые пейзажи, исчезла традиционная деревня, а всё товарное сельское хозяйство в Нечерноземье стало пригородным. И этот грандиозный социально-экономический, экологический и ментальный переворот, не замеченный учёными и журналистами, совершался во имя горячей любви к «природе», на лоне которой горожане желали жить хотя бы летом и в выходные дни, но не стеснялись замещать и подавлять естественную зелень асфальтом, бетоном, кирпичом.

В такой экологической ситуации патриотизм становится половинчатым: чем больше любишь землю, на которой родился, тем отвратительнее кажутся люди, которые её захватили и загадили.

Мне кажется, русскому языку не повезло с понятием «любовь». Зато в нём не меньше тысячи способов выразить одно простое действие – ударить человека по лицу: дать по морде, врезать по физиономии и т. д. Я помножил 20 синонимов со значением «лицо» на 50 синонимов «ударить». Круглой цифры достаточно, чтобы подтвердить концепцию: сам русский язык засвидетельствовал, что в несчастной стране было много насилия, но мало любви.

Для обозначения «чувства самоотверженной, сердечной привязанности» (например, к родине, к родителям, к своим детям) и «склонности, пристрастия к чему-либо» (например, к музыке, к искусству) у нас есть только одно приличное слово. В русском языке даже нет разных эквивалентов греческих слов «эрос», «агапэ», «филео», испано-португальских *ато* и *цего*. Одним словом, ребёнок любит маму, папу, кошку и мороженое. А кошка постоянно влюблена: она любит рыбу, колбасу, молоко.

Так что же такое «любовь» вообще? В моём саркастическом «Словаре российских реалий» написано: «Страстное желание что-либо присвоить, получить, потребить, удержать». Думаю, что и любовь самозванных патриотов к своему отечеству подходит под это определение.

10. Наука против шовинизма

Оплот наступательного национализма и шовинизма – невежество: в истории, географии, этнографии, антропологии, религиоведении, топонимике. Шовинизм преодолевается гуманитарным образованием, но не только потому, что наука вскрывает те или иные факты, воспитывает плюрализм мнений, демократична по своей сути и т. д. Образование изменяет

интересы и структуру личности, даёт новые поприща для самоутверждения, позволяет расширять духовный мир, ничего не отнимая у других людей.

Наука – не только систематизированная совокупность знаний и деятельность интеллектуалов, но и всемирное сообщество свободных людей; она самим фактом своего существования противостоит мракобесию. В борьбе с шовинизмом можно опираться на этику учёных, о которой я писал во многих своих статьях (есть и в Интернете).

Мораль личности и мораль государств: quod licet Jovi, non licet bovi?

В обыденном сознании и в средствах массовой информации (СМИ) государства (страны) нередко выглядят как некоторые живые существа, наделённые специфическими интересами и действующие для осуществления своих целей и задач [Родоман 1997]. Поведение государства как юридического лица в отношениях с другими государствами и с физическими лицами (гражданами и подданными) регулируется не только правом, но и бывает объектом моральной оценки. В какой степени применимы к государству те же моральные нормы, которые бытуют в оценках межличностных отношений?

1. Нравственные начала у высших животных

Современная наука не обнаруживает между людьми и прочими высшими животными такой глубокой пропасти, которая присутствовала в христианской и марксистской картинах мира. Об общей природе живых организмов свидетельствуют впечатляющие достижения медицины и генетики. Автор данной статьи придерживается гипотезы, или постулата, о естественном, эволюционно-биологическом происхождении нравственности. Альтруистические компоненты поведения необходимы для выживания той или иной группы особей/индивидов как функционирующего целого [Эфроимсон 1971]. Среди животных это виды, популяции, стада, стаи, семьи и т. п. В человеческом обществе – прежде всего семья, а также более реликтовые, но во многих странах влиятельные группы – род, племя, этнос, клан. И, наконец, одно из самых высших, целостных и живучих объединений – государство, которое тоже рассчитывает на то или иное самоограничение своих граждан, а в предельных случаях жертвует ими для поддержания своего статуса.

Вульгарное представление о жизни животных как о сплошной и непрерывной борьбе за существование, о «войне всех против всех», то и дело переносимое на людей в виде социального дарвинизма и ему подобных учений, несостоятельно, потому что в органическом мире борьба, агрессия, хищничество постоянно уравниваются противоположными факторами, такими, как симбиоз, кооперация, солидарность, взаимопомощь, которые также служат двигателями эволюции [Кропоткин 1922].

Рассуждая о человеческих качествах на фоне общих представлений о поведении всех животных, мы сталкиваемся с этимологическим несовершенством, а если выразиться резче – с непригодностью многих терминов. Прежде всего, совершенно неприемлемо различие и противопоставление двух начал – биологического и социального. У большинства животных есть социум, весьма сложно устроенный, а человек – один из многих видов млекопитающих. Вместо «люди и животные» надо говорить «люди и прочие животные». Знатокам и любителям диких животных не нравятся такие слова, Мораль личности и мораль государств: “Quod licet Jovi, non licet bovi”? как «зверство», «волчьи законы», «бесчеловечность» и пословица «Человек человеку волк». В отличие от человека, «звери» (прочие млекопитающие) не тратят так много сил и ресурсов на истребление особей своего вида, не наслаждаются жестокостью, не практикуют пыток. У собак и обезьян есть стыд и совесть, они способны страдать от несправедливости, призна-

вать ошибки и раскаиваться в своих поступках [Бекофф 2010]. И, наконец, слово «мужество» неудобно с феминистской точки зрения.

2. Нравственность и мораль на личностном уровне

В человеческом обществе, как и в некоторых сегментах прочего животного мира, существует двойная нравственность и/или мораль: для своих и для чужих. Положительные моральные качества, или добродетели, такие, как верность, взаимопомощь, доброта, чувство долга, искренность, самоотверженность, справедливость, терпение, щедрость воспитываются в малых коллективах, где все знают друг друга и общаются постоянно. Это прежде всего семья как институт для выращивания потомства (особенно – многодетная, многопоколенная). Вместе с тем, многие добродетельные поступки для «своих» могут негативно оцениваться «чужими», если благополучие группы достигается за счёт других групп.

Другая, после семьи, школа и поприще для проявления добродетелей – временный коллектив, действующий в экстремальных условиях в изоляции от внешнего мира. Таковы в недавнем прошлом некоторые экспедиции в не населённой людьми местности, военные отряды в окружении, альпинисты и спортивные туристы в походах высокой категории сложности, когда ещё не было мобильных телефонов, страховки, надёжных спасателей, возможности благополучно прервать поход при несчастном случае. Туристские коллективы не столько воспитывали в своих взрослых членах выносливость, товарищество, взаимопомощь, скромность, сколько принимали людей, уже обладающих этими качествами, путем многолетнего отбора, начиная с самых легких походов и прогулок [Родоман 2005].

Формированию коллективистских добродетелей способствует суровая географическая среда. (В прошлом она же нередко вынуждала убивать стариков и новорождённых.) До середины XX в. сохранялись остатки «северной морали» у народов Субарктики (взаимопомощь, честность, отсутствие воровства).

За пределами коллективов, спаянных родственными и товарищескими отношениями, на первое место выходят правила этикета, вежливость, любезность, презумпция доброжелательности. (Ожидание враждебности от незнакомых людей было нормальным в «доисторических обществах» и на колонизируемых фронтах, слабо охваченных государственной властью; в наши дни оно присуще маргиналам и девиантам.) В странах с резкой социальной поляризацией и низкой степенью законопослушности распространены межличностные отношения типа «хищник – жертва».

Прогресс нравственности (действительный или желательный) можно толковать как экспансию позитивной человеческой морали, её распространение на новые категории живых существ путём перевода их из чужих в свои: отказ от людоедства, убийства пленных, рабства, расизма, сословно-кастового деления, эмансипация женщин, этнических и сексуальных меньшинств, признание права на жизнь за многими животными и растениями, всесторонняя охрана природы. В данном примере экспансия морали идёт сверху вниз – от «высших» существ к «низшим». За моральным признанием следует законодательство.

Многое, но далеко не всё из вышесказанного применимо и к юридическим лицам. В отношениях между фирмами ценятся доверие, честность, надёжность, обязательность, но никто не ждёт от них доброты, щедрости, искренности, правдивости, скромности, самоограничения, самоотверженности, дружбы, взаимной любви. Конкуренты скрывают свои стратегии, не делятся бескорыстно всякого рода методами и рецептами. Рыночную экономику двигают жадность и агрессия, стремление уничтожить конкурентов. Ложь – важное средство достижения успеха в рекламе, у политиков, адвокатов, в СМИ. При построении пирамиды власти иногда действует

негативный отбор. Для политической карьеры благоприятны коварство, хитрость, предательство, а лидером нередко становится гнуснейший.

3. Мораль государств

Запасшись длинным списком добродетелей, применим его к юридическому лицу высшего уровня – государству. Отношения государства с гражданином при всех режимах далеки от равноправия, что само по себе аморально. Не отучив своих граждан от злодеяний, государство взяло на себя право их совершать. Убийца, насильник, грабитель нарушают монополию государства на совершение аналогичных действий, – репрессии, войны, экспроприации, налоги (согласно крайней, анархистской точке зрения).

В межгосударственных отношениях стала нормой взаимопомощь при стихийных бедствиях, многие страны состоят в военно-оборонительных союзах, но прочие альтруистические добродетели им не свойственны. Им не присуща щедрость и уступчивость, когда речь идёт о территории; напротив, не редка патологическая скупость, нежелание отдать даже крохотный клочок земли, аннексированный при прежнем режиме, от которого нынешняя власть отмежевалась. Боязнь государства потерять свою честь и достоинство иногда напоминает нравы дворян-дуэлянтов. На уровне межличностных отношений как-то не принято хвастаться учинёнными насилиями, кровопролитиями, грабежами, но многие государства такими достижениями гордятся, строят на них свою идеологию, внедряют в учебники истории, учреждают в их память праздники.

В отношениях между собой государства широко пользуются презумпцией враждебности. Они охвачены гонкой вооружений, запасаются оружием, имеют планы военных действий на территориях своих соседей, какими бы хорошими не были их отношения в данный момент. Правда, в некоторых частях света межгосударственная настороженность считается уже невозможной, но на большей части остального мира она сохраняется.

Государствам, как и прочим лицам, могут быть присущи отклоняющееся поведение, необъяснимые реакции, грубо противоречащие реальной ситуации; свойственны некоторые психозы, например, имперская паранойя с маниями величия и преследования, фобии потери территориальной целостности и распада территории [Родоман 1999], немотивированная агрессивность, имперский реваншизм, историческая амнезия и т. д. За недостатком обычных человеческих добродетелей государство выглядит в среднем менее нравственным, чем личность.

4. Мораль промежуточных юридических лиц

Если сравнение государства с личностью по их моральным качествам некорректно, если государству по его природе дозволено то, что запрещено гражданину, то как мы оценим разнообразные институты, занимающие промежуточное положение? Эти промежуточные объекты в воображаемом социальном пространстве выстраиваются в две линии, простирающиеся большей частью параллельно, но концами сходящиеся в двух точках – наверху (в государстве) и внизу (в гражданине).

Первая линия – экстерриториальная. Это вмещающие личность (гражданина) группы, обладающие разными размерами (людностью) – половозрастные, социально-классовые, профессиональные, а также родоплеменные, этносы, этнические общины в диаспоре и т. п. Эти институты хорошо изучены, их слишком краткая и неизбежно дилетантская характеристика в данной статье была бы непродуктивной.

Вторая линия – территориальная. Это вмещающие каждого из нас единицы внутригосударственного административно-территориального деления (АТД) – области, края, провин-

ции, губернии, федеральные земли и т. п. Из них наиболее близки к суверенным государствам моноэтничные автономные области, стоящие в очереди на получение независимости (как правило, в результате референдума) и членства в ООН. У них есть свои государственные языки, флаги, гимны, их футбольные команды выступают самостоятельно, их граждане охвачены местным патриотизмом. Иную картину являют собой неэтногенные административные единицы – субъекты федераций или области в унитарных государствах. Каким поведением они обладают, и какой может быть его моральная оценка? В оставшейся части данного раздела нашей статьи будет больше вопросов, чем утвердительных суждений.

Во многих странах граждане чувствуют себя совладельцами принадлежащей государству территории. Они радуются аннексиям, осуществлённым своим государством, и страдают от его территориальных потерь. Такие патриотические чувства в патерналистском обществе небезуспешно заменяют гражданам отсутствующую у них значительную земельную и прочую собственность. Вот так же и ребёнок гордится имуществом своих родителей, хотя формально оно ему не принадлежит.

В какой мере гражданское чувство совладельца распространяется на отношения населения к своим административно-территориальным единицам? В каких случаях жители неэтнических областей страдают от передвижки их границ? На каком уровне территориальной иерархии государственнический патриотизм сменяется более безразличным отношением к АТД? Или, иными словами, где на таксономической пирамиде стран и регионов проходит граница, «выше» которой отношение гражданина к территории строится по государственному типу, а «ниже» – по-иному?

Страны обладают своими государственными тайнами, у них есть служба разведки, они посылают друг другу шпионов. Аналогично действуют и многие юридические лица в сфере экономики, там есть промышленный шпионаж и коммерческая тайна. А как обстоит дело с единицами АТД? Могут и должны ли области и края засылать шпионов? Возможна ли муниципальная и микрорайонная тайна?

5. Разобщённость и единение человечества

Разобщённость мира на «независимые» государства, способные безнаказанно воевать между собой, распоряжаться жизнью своих граждан / подданных и бесконтрольно расточать на своих территориях и акваториях природные ресурсы, доставшиеся им случайно, препятствует решению глобальных экологических и социальных задач и является главной угрозой дальнейшему существованию человечества. Эрой разобщённого мира (ЭРМ) называл нашу эпоху писатель-фантаст И.А. Ефремов (в повести «Туманность Андромеды» и в романе «Час Быка»). Политическая разобщённость мира свидетельствует о незрелости человечества, о том, что формирование вида *Homo sapiens*, по-видимому, не завершено [Родоман 2010], из его личинки не вылез взрослый *Homo humanus*, и мы живём в состоянии неотении.

Множество суверенных государств, коих сейчас на Земле почти две сотни, – это типичное самоорганизованное анархическое сообщество, в котором нет верховной власти, все члены номинально равноправны, все отношения регулируются договорами, а не принуждением сверху (чем не розовая мечта теоретиков анархизма?), но это только формально, а фактически в данном коллективе нет равенства, есть свои гегемоны, существует сложная иерархия и всякого рода подгруппы. Как в любой стае животных, господствуют свои вожаки, но, в отличие от многих стад и прайдов, сообщество государств раздирается междоусобицами до такой степени, что давно напрашивается потребность в международной полиции и всемирной верховной власти.

Безвластные сообщества рано или поздно обзаводятся начальством: 1) выбирают вождя из своей среды; 2) приглашают «варяга»; 3) завоёвываются, покоряются, замиряются внешними силами. Принудительное включение племён и народов в ту или иную империю не всегда трагично, оно может быть меньшим злом и спасением от гибели в междоусобицах. Напротив, деколонизация, обретение «суверенитета» нередко приводили к возобновлению межплеменных и межгосударственных войн.

На жителей Земли не нашлось способной их сплотить угрозы или разумной управы внемногого происхождения, им приходится управляться собственными силами. ООН как прообраз мирового правительства оказалась слабой, но не безнадёжной. Этот наполовину дремлющий институт ещё может оказаться эффективным. (Так, например, конституционное право союзных республик на выход из СССР было спящим институтом, в который никто не верил, но в 1991 г. оно сработало.)

Завоевание в смысле построения каким-то государством-гегемоном своей всемирной империи не обязательно означает вооруженный захват, оккупацию и т. п. Цели, которых ещё в прошлом столетии пытались достичь военными средствами, ныне достигаются достаточно мирно и бескровно. В некотором смысле все страны мира уже благополучно завоеваны англоязычным Интернетом, автомобилизацией, стандартами потребления. Они в том или ином смысле добровольно или вынужденно присоединяются к лидерам, обладающим экономическим и социальным превосходством. Преодолевать пороки всемирной империи алчных производителей и потребителей надо совместно, без разгораживания железными занавесами, через неправительственные международные организации гуманистической направленности. Объединению мира препятствует небольшое число государств-изгоев, обладающих средствами массового уничтожения и бряцающих оружием, – не только для международного шантажа, но и для сохранения образа внешнего врага у своих граждан, а также для поддержания офицерско-генеральской касты и военной промышленности.

Позитивная эволюция мировой политической системы видится как постепенный отказ от военных и грабительских компонентов суверенитета при увеличении социальной роли государств как защитников людей, в том числе и от некоторых транснациональных сил. Национально-освободительные движения, сепаратизм, стремление множества регионов стать самостоятельными государствами не препятствует, а способствует политическому объединению человечества. Если в течение XXI в. количество государств на Земле достигнет тысячи (так, что их даже учитель географии не сможет запомнить), то это означает окончание ЭРМ. Чем больше будет государств, мнящих себя независимыми, тем крепче окажется их зависимость от будущих надгосударственных международных организаций (сверхгосударств) – конфедераций типа Европейского союза (ЕС). Таким образом, традиционные государства нашего времени превратятся в единицы АТД – в провинции Всемирного государства, которое уже не будет государством в привычном смысле слова – хотя бы за отсутствием других, себе подобных. Пресловутое «отмирание государства» изза кардинальной смены его функций осуществится само собой.

Сегодня принято говорить об ослаблении всякого рода иерархий, о замене иерархического сообщества сетевым, в немалой степени благодаря Интернету. Но АТД не может не быть иерархичным. Между традиционными государствами и ООН располагаются промежуточные группировки, обладающие единой территорией или соединённые общей акваторией – ЕС, АСЕАН, СНГ и т. п. Если некоторые из них эфемерны и нежизнеспособны – значит, возникнут другие, более живучие. Иерархизация территориальной структуры мира продолжается.

В Западной Европе традиционные государства (в том числе бывшие «великие державы») немного уступили свой суверенитет по двум направлениям: 1) вверх, в сторону ЕС,

ставшего конфедерацией; 2) вниз – внутристрановым регионам, становящимся всё более автономными и «суверенными». Не исключено, что эти процессы охватят в XXI столетии весь мир так же, как в XVII–XX в. распространилась европейская модель государств и международных отношений. Внутристрановая регионализация и глобальная интеграция не исключают одна другую, а являются, по-видимому, двумя сторонами одного процесса [Покровская 2004]. В этой связи можно говорить о социализации государств и о дальнейшем превращении их из господствующих, которые в первую очередь удовлетворяют потребности своих правителей, в служебные, обслуживающие своё население.

Альтруистическая нравственность, необходимая живым существам для выживания своей популяции, должна по тем же причинам (для выживания всего человечества) распространяться по территориальной иерархии снизу вверх и в идеале охватить всё мировое сообщество гуманистическими нормами, сформировавшимися в малых человеческих коллективах. Сегодня многие единицы АТД подражают государству, заводят у себя те же министерства и департаменты, а надо наоборот, чтобы государства подражали муниципалитетам и коммунам, брали пример с семьи и других малых групп, спаянных тесным сотрудничеством.

После краха СССР наши соотечественники выбросили на свалку слова и выражения «интернационализм», «дружба народов», «всеобщее и полное разоружение», «мир во всём мире» как надоевшие клише советской пропаганды, но это не повод отрицать обозначаемые явления и признавать неизбежность вечной вражды. Альтернативой «утопическому» братству народов может быть вполне реальная гибель человечества от военной или экологической катастрофы. В единении – спасение!

30 марта 2012 г.

Бекофф М. 2010. *Эмоциональная жизнь животных*. – М.: ИГ «Весь».

Кропоткин П. А. 1922. *Этика*. – Пг. – М.

Покровская Н. Н. 2004. Глобализация и регионализация. – *Личность и культура*. – № 1. – С. 18–19.

Родоман Б. Б. 1997. Образы государства, внедряемые в массовое сознание. – *Здравый смысл*. – № 5. – С. 48–52.

Родоман Б. Б. 1999. Фобия потери территориальной целостности. – *Неприкосновенный запас*. – № 6 (8). – С. 10–15.

Родоман Б. Б. 2005. Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов. – *Отечественные записки*. – № 6 (27). – С. 206–213.

Родоман Б. Б. 2010. Мы уже не обезьяны, но ещё не люди. – *Здравый смысл*. – № 3(56). – С. 21–25; www.intelros.ru 21.XII.2011.

Эфроимсон В. П. 1971. Родословная альтруизма (Этика с позиций эволюционной генетики человека). – *Новый мир*. – № 10. – С. 193–214.